

ФОРМА „Е + Р” В ЛИТОВСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ И ДЕНОТАТИВНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА

НИЙОЛЕ ЛУКШИТЕ

Лингвистика текста, выдвинувшая понятие связи как методологическую основу исследования языка, позволила расширить изучение его грамматических элементов и не только осмыслить их как элементы „строительного материала” языка, но и весь живой процесс коммуникации. Выбирая сочетание глагола *būti* (*être*) со страдательным причастием для выявления его особенностей в литовском и французском языках, мы обращаемся к теории текста и надеемся, что этот аспект исследования языка поможет решить некоторые противоречия, возникающие в связи с проблемой пассива, а также выявить общие закономерности употребления данного сочетания. Рассматривая его („Е + Р”) на фоне текста, мы должны выявить отношение этого сочетания к тем понятиям, которые определяют текст как языковое образование. Текст строится как воплощение определенной цели коммуникации, которая достигается посредством связи, характеризующей разные его параметры. Поскольку текст состоит из определенного множества языковых единиц — предложений, связь между предложениями ставится в центр изучения текста. Этот аспект связи представляет собой выявление грамматических элементов как обеспечивающих связь семантического содержания текста (Пфютце, Севбо, Реферовская и др.).

Другой аспект связи выявляется при подходе к тексту как текстовому суждению (Доблаев, Жинкин, Солгашик). Чирухина [1981. С. 40], применяя эту концепцию для рассмотрения взаимосвязи между семантическим полем слова и текстом, текст понимает как последовательное развертывание понятия (предмета или явления) — темы коммуникативно-авторского задания. Текст — система текстовых суждений, реализуемая как пошаговая предикация текстового субъекта (мысли о факте как предмете текстового суждения) текстовым предикатом (мыслью о признаках факта как предмета текстового суждения).

Третий аспект связи характеризует текст как информацию, структура которой раскрывается в тема-рематическом (актуальном) членении элементов предложения. Информативная нагрузка предложения связана с целостностью текста: именно смысловое задание текстового фрагмента, его композиционно-смысловая доминанта обуславливает распределение тема-рематических ролей в предложении [Золотова, 1979. С. 132].

Рассмотрение формы „Е + Р” как элемента текста предполагает

в первую очередь выделение его как элемента предложения — предиката. В данной статье мы уделяем внимание форме „Е + Р”, предшествующей ич'я — подлежащее (в литовском языке существуют также бесподлежащие — агенсные или безагенсные — предложения). Этот предикат является элементом текста как элемент актуального членения и как элемент лекстового суждения. В текст он включается постольку, поскольку соотносится с именем — подлежащим, которое также представляет собой элемент актуального членения и текстового суждения. Таким образом, при рассмотрении связи формы „Е + Р” с текстом в первую очередь следует изучать связь имени — подлежащего с текстом, через которое в текст включается и форма „Е + Р” как субординированная подлежащему. Тем самым ставится вопрос: что определяет появление имени в роли подлежащего как элемента текстового суждения и актуального членения.

Нам представляется возможным ответить на этот вопрос в связи с рассмотрением имени как денотата (референта) и тем самым в изучении текста выявить еще один аспект — аспект отношения текста к объективной действительности, т. е. представить его как отражение. Классики марксизма-ленинизма отмечают неразрывность двух функций языка как средства общения — функций коммуникативной и экспрессивной (когнитивной, познавательной). Текст как проявление акта коммуникации оперирует названиями предметов и явлений объективного мира, которые являются понятиями отражательными. Поэтому текст, будучи высказыванием, характеризуется не только коммуникативной, но и денотативной функцией [Гак, 1973. С. 358]. Исследователи высказывания (пражские лингвисты, Бенвенист, Гак) выделяют предметы и явления как элементы высказывания, поскольку они входят в ситуацию как координацию материальных объектов и их состояний, представляющую собой пространственную и временную форму их существования. При рассмотрении текста отношение денотатов — элементов ситуации — определяется не одной ситуацией, данной в предложении, а их совмещением в пределах единицы текста — сверхфразового единства (СФЕ). Самые общие формы организации денотатов — пространственная и временная — являются заданными коммуникативной установкой текста (описание и повествование). Неразрывность коммуникативной функции с отражением проявляется в том, что коммуникативная установка как форма речи многими учеными трактуется как форма мышления [Москальская, 1981. С. 61], т. е. формой восприятия объективной действительности. Описание и повествование представляют разные способы существования денотатов — статический и динамический. В описании денотаты выявляют свое существование через отношение друг к другу, в повествовании — через событие, которое определяет его существование и отношение к другим денотатам. Участие денотатов в событиях не исключает возможности вступить в статические отношения. Выявление статических отношений между денотатами мы связываем с текстом как структурой сложного денотата, которая проявляется в системе

подлежащих — имен, выполняющих информативную и смысловую роль при решении темы СФЕ.

Выявление статических отношений между денотатами как проявление структуры текста следует начинать с рассмотрения речевой формы описания, дающей возможность познакомиться с понятием пространства, которое определяет отражательный параметр текста и выявляет определенный аспект предикативности. Понятие пространства в первую очередь подразумевается в связи с описанием пейзажа, натюрморта. Однако ее лингвистическое осмысление возможно и при описании предметов, не соответствующих бытовому его толкованию, о чем говорят работы Селивѣрстовой, которая посредством этого понятия анализирует экзистенциальные предложения русского и английского языков. Рассматривая типы предложений „У х (есть) у“, „В s (есть) у“, она связывает существование и с понятием „быть реальным“, а с понятием „относиться к определенному пространству“, [Селивѣрстова, 1983. С. 145] — нахождение объекта в пространстве предполагает существование этого объекта. Всякий предмет, включающий в себя другой предмет, является пространством по отношению к этому другому предмету, который, будучи заключенным в пространство как в свой носитель, получает статус свойства. Таким образом, описание пейзажа или натюрморта связано с денотатами, которые упоминаются как детали живой или неживой природы, существование которых предполагает их нахождение в определенном пространстве. Сложный денотат как пространственное понятие имеет место и при отношении частей к целому, поэтому части целого также являются свойствами (признаками) пространства, как и предметы, связанные по отношению к местонахождению.

Приведем несколько примеров, цель коммуникации которых — описание как утверждение существования определенного пространства — неотделима от свойств (признаков) как денотатов, выраженных в системе подлежащих

1. Kavinukas stovėdavo po storu išsiuvinėtu užmalu, saugančiu karštį: šalia jo padėta džiuvėsių, keletas vaisių.

(Baltušis, Abišalė. P. 254)

2. Un chapelet à gros grains cylindriques, imitation ambre, avec un gland de tissu est accroché à un clou. Au-dessus, une lampe rouge est brisée.

(Sabatier, Mort. P. 23)

3. Ils avaient loué à un septième étage un studio de forme biscornue dont le plafond était une large verrière et dont les murs étaient presque mangés par les fenêtres.

(Beauvoir, Sang. P. 162)

Первый пример представляет натюрморт, детали которого kavinukas (кофейник), džiuvėsių, vaisių (род. п. неопред. количества — сухарей, фруктов) объединяются как признаки пространства — местонахождения. Во втором примере денотаты-подлежащие выделяют главные детали, характеризующие помещение как элементы пространства-местонахождения

ния — *chapelet* (четки) и *lampe* (лампа). Местонахождение детали *chapelet* уточняется через отношение к *clou* (гвоздь) и оформляется предикативно; *gland de tissu* (кисточка) субординировано *chapelet* как его атрибутивный признак. Третий пример описывает помещение — пространство; *studio*, *plafond* (потолок) и *murs* (стены) являются деталями-признаками, относящимися к *studio* как части к целому. С деталью *mur* субординирован признак *fenêtres* (окна), выраженный в форме агенса.

В данных примерах система подлежащих-денотатов говорит об отражении объективного мира как актуализации понятия пространства через выделение его признаков. С точки зрения информативности признак полагается как понятие рематическое. Это отражается в текстах вместе с употреблением неопределенного артикля французского имени-подлежащего и употреблением в постпозиции литовского имени-подлежащего. Однако описание как форма речи не обязательно связано с актуализацией признака как понятия отражательного, поскольку признаки-денотаты могут сопровождаться определенным артиклем или выражаться препозицией подлежащего: система подлежащих-денотатов определяет структуру текста, а природа самого денотата не всегда попадает в центр сообщения; более того, денотат с определенным артиклем или денотат в препозиции теряет отношение к предикативности и выявляет свою коммуникативную суть, а не отражательную. Она проявляется в том, что текст как языковое образование предполагает говорящее лицо, что накладывает отпечаток на передачу отношений объективного мира и этот мир субъективизирует, представляет его неотделимо от существования говорящего, выявляет его как сферу „освоенную“. Сказанное выше не касается тех случаев, в которых денотат-подлежащее представляется известным из предыдущего текста. Чередуемые артикли в описательном тексте французского языка хорошо иллюстрируются примерами Реферовской [1983. С. 38—44].

В литовском языке в описательном тексте характерна постпозиция подлежащего (напр., описание болота *Kaigabalė* в „Сказании о Юзасе“ (Балтушис. С. 21—22). Употребление подлежащего в препозиции включает объективно существующие предметы в мир персонажа и создает стилистический эффект [Ковтунович, 1979].

Подтверждение пространственной природы описательного текста, актуализации денотата как признака можно, на наш взгляд, усмотреть в трактовке номинативных предложений, которые часто встречаются при описании. В этих предложениях денотаты упоминаются без предикатов. Предикат как признак субстанции выражает утверждение существования субстанции через признак; это составляет суть предложения как категории отражательной, фиксирующей самую общую форму членения объективного мира, конечным результатом которого являются предметы и явления. Описательный текст как целостное понятие выдвигает подлежащее-денотат в качестве пространственного признака. Поскольку пространство и его признак являются понятиями взаимопределяющимися, то существование признака само по себе утверждает

о существовании пространства, на что и указывает признак-денотат. Его существование как существование субстанции поглощается существованием как признаком пространства, поэтому предикат как дублирующий выражение существования становится ненужным. На наш взгляд, пример 2 – *une lampe est brisée* – хорошо иллюстрирует процесс отпадения предиката (*au-dessus, une lampe brisée*) как процесс превращения признака *brisée* из предикативного в атрибутивный. Денотаты как признаки пространства существуют сами по себе в следующих предложениях:

4. Ant keleto apvožtų dėžių, atstojančių bufetą, suverstos atvežtosios prekės. Ilga rūkytų lašinių paltis. Ant jos krūva dešrų. (Baltušis, Abišalė. P. 98)

5. Ils s'assirent. Une belle nuit de septembre. Le ciel limpide et obscur. L'odeur sucrée des pétunias se mêlait à l'odeur fade et un peu corrompue du canal sombre [, ...].

(Rolland, Christophe, III. P. 30)

В примере 4 подлежащее в постпозиции *prekės* (товары), активизирует признак пространства „сельский магазин”. Другие признаки *lašinių paltis* (кусоч сала) и *krūva dešrų* (куча колбас) представлены без предикатов. Во французском примере *nuit de septembre* (сентябрьская ночь) и *ciel limpide et obscur* (небо прозрачное и темное) утверждают существование явлений объективной действительности как признаки, ее манифестирующие.

В описательном тексте предикативные причастия (как и глаголы [Золотова, 1973. С. 43]), выявляют некоторые семантические особенности. Они помогают выразить общее значение наличия, существования предмета и при выражении пространственных отношений превращаются в знак соотношения предметов в пространстве, теряя конкретность характеристики предмета по отношению к действию. В примере 1 *padėta* (положено) указывает на нахождение предмета на поверхности, в примере 2 *ascroché* (повешано) выделяет способ существования пространственного отношения, которое актуализируется при помощи предмета *clou* (гвоздь).

Можно выделить один тип описательного текста, при котором причастие сохраняет значение результативности как следствие предыдущего действия, что указывает на существование денотатов в событии как активном взаимоотношении с инципатором действия. Преподнесение отражения через денотаты как признаки пространства являются средством обобщения, сжатия событий, которое придает тексту большую компактность и организованность, поскольку расположение событий на временной оси указывает на незакрытость текста, которая исчезает при вторичном преподнесении событий через элементы пространства.

6. Svetimų rankų paliesti namai. Štai ir bitelės koptos, medus imtas, suktas. Tiktai pasuktas, ne išsuktas.

(Baltušis, Juza. P. 222)

7. Le cigare entre ses lèvres se consomme mal, tout un côté est un cendre, tandis que l'autre est à peine mordu par le feu.

(Sabatier, Mort. P. 126)

В примере 6 *namai* (дом) представляет собой пространство, ограничивающее цепь событий, индикатор которых представлен метонимическим агенсом *svetinų rankų* (чужих рук < тронут дом >). Результат как следствие событий подчеркивается ремой, которая характеризует признак пространства *bitelės* (пчелочки), связанный с *namai* метонимически (содержимое пространства *namai*); *medus* (мед) конкретизирует этот признак (метонимическая связь производитель—продукт), как и предикаты *rasuktas, išsuktas* конкретизируют содержание *suktas*. Таким образом раскрывается тема СФЕ о частичном исчезновении признака *medus* по отношению к пространству *namai*.

Пример 7 преподносит событие „курение сигары”, ставя денотат *cigare* в отношении к процессу вне участника ситуации — деятеля как причины процесса. Тема СФЕ раскрывает неправомерность этого процесса, согласно противоположному состоянию двух сторон *cigare*—пространство делящегося на две части, характеризующиеся разными признаками: *sendre* (пепел) указывает на нормальное развитие процесса, в то время как *feu* (огонь) выделяется как отсутствующая причина обеспечения этого процесса и выражается агенсом.

Приведенные примеры показывают, что динамичность предиката не всегда противопоставляется пространственному восприятию объективной действительности. Это имеет место, когда события ограничиваются определенным пространством, что позволяет копировать объективную действительность и речевой формой повествования, и речевой формой описания; последняя выбирается, когда цель коммуникации связана с выявлением компактности событий, акцентирует неразрывную связь пространства и времени.

Вторая группа денотатов-подлежащих соответствует тексту, не связанному с пространством, определяющим существование сложного денотата. Имена-подлежащие повествовательного текста связаны не со сложным денотатом, а с отдельными денотатами как участниками ситуаций, которые образуются главным образом на базе столкновения мира лиц (персонажей) с миром предметов. Лица и предметы существуют неотделимо от событий, через которые они связаны друг с другом. Подлежащее как участник ситуации вводится в текст согласно теме СФЕ, с которой он связан по-разному. Когда тема СФЕ решается при помощи выделения предмета в центр внимания — темы коммуникативно-авторского задания, подлежащее встречается как элемент номинативных цепей, обусловленных лексическим повтором. Не останавливаясь на таком типе текста, обратим внимание на выделение подлежащих в качестве опорных слов СФЕ как резюмирующих определенные ситуации.

8. Jonas Šaknys atsiprašo ir išeina, pažadėjęs tuoj pat atvažiuoti tetulytės pasiūmti, kai tik dekonas bus atiduotas valdžiai, o viešnia keliauninkė bus suspėjusi sudėti bluostelį.

(Mikelinskas, Laukai. p. 539)

Jonas Šaknys является одним из центральных персонажей романа, с которым соотносятся денотаты *bekonas* (бекон) и *viešnia* (гостя) как участники ситуаций, обобщаемых в одно текстовое суждение. Первая ситуация связана с решением темы СФЕ „доставка бекона на мясокомбинат, вторая – с темой „встреча с тетушкой, вернувшейся из Америки”. Параллельность подлежащих *bekonas* и *viešnia* по отношению к Jonas Šaknys выявляет структуру денотатов как ключ темы СФЕ.

Чередование подлежащих как элементов номинативных цепей также можно связывать с коммуникативной задачей высказывания. Если текст представляет события, связанные с несколькими участниками ситуации, выделяется один из них как наиболее соответствующий цели коммуникации, замыслу автора.

9. Le chien rampe de frayeur et se laisse traîner. A ce moment c'est au vieux de le tirer. Quand le chien a oublié, il entraîne de nouveau son maître et il est de nouveau battu et insulté.

(Camus, *Etranger*. P. 42)

Пример представляет собой ситуацию с участниками *chien* (собака) и *maître* (хозяин), которые не являются равноправными при описании взаимоотношений хозяина и собаки. Центром внимания является *chien*, который выступает подлежащим не только тогда, когда он является деятелем, но и тогда, когда он участвует в событии, инициатором которого является *maître*. Он упоминается при лексическом повторе *vieux* (старик), который выделяется как деятель специальной конструкцией, но не получает формы подлежащего. Денотат *chien* определяет структуру текста в связи с целью объективизировать портрет хозяина во избежание прямого противопоставления портрету его друга – главного персонажа Мэрсо, осуждение которого связывается не с его преступлением, а с моральным обликом.

Денотат-подлежащее представляет собой элемент суждения как фокуса [Ван Дейк, 1978, С. 320], определяющего высказывание обстоятельственными отношениями:

10. Durys buvo nerakintos. Todėl Vincas jėjo ne pasibeldęs, kai ji jau leidosi į miegą.

(Mikelinskas, *Laukai*. P. 175)

11. La banquette est défoncée, à l'endroit où je suis assis, et je suis contraint, pour ne pas glisser, d'appuyer fortement mes semelles contre le sol, il fait froid.

(Sartre, *Nausée*. P. 33)

В примере 10 *durys buvo nerakintos* (дверь была незаперта) выражает текстовое суждение, связь которого с последующим суждением указывается причинным союзом *todėl* (поэтому). В примере 11 *banquette* (скамейка) выделяется как элемент ситуации, по поводу которого строится суждение, объясняющее способ соотношения персонажа и этого элемента (скольжение при сидении).

Подлежащее-денотат употребляется при теме СФЕ, обобщающей со-

бытия предыдущего текста. Суждение-вывод может выделить имя как денотирующее события, время совершения событий и др.

12. Dabar ji gerai suprantanti, kad tai buvęs seno raganiaus Baltaragio ir jo bičiulio Paudruvės pelkių velnio Pinčuko padarytas sąmokslas jos skaistybei pražudyti.

(Boruta, Malūnas, p. 189)

Героиня обобщает свои приключения, оценивая их как сговор хозяина и черта. Подлежащее в постпозиции входит в рему.

Следует выделить группу подлежащих-денотатов, которые связаны с текстом по линии преемственности информации, реализованной в целной связи предложений. Подлежащее-тема образуется на базе семантического содержания ремы предыдущего предложения и представляет собой не только простой повтор, но и указывает на существование разных семантических связей:

13. Mažiukas priešinis kiemelis aptvertas statinių tvora. Dabar šita tvora visa nusėsta vaikų.

(Baltušis, Abišalė, p. 110)

14. Elle s'assit près de la cheminée. Le feu n'était pas allumé.

(Beauvovi, Sang, p. 90)

Подлежащее-денотат вводит предложение как новое звено текстового суждения.

В рассмотрении подлежащих, предцизируемых формой „E + P“, мы не включили подлежащие, выраженные неопределенными, определительными и указательными местоимениями. Выделяя подлежащие как элементы текста неотделимо от осознания текста как реализации понятия связи на уровне разных его параметров, мы предполагаем, что семантическая характеристика формы „E + P“ соотносится с тем положением, которое она занимает в структуре текста (она входит туда через отношение к имени-подлежащему как денотату, элементу ситуации).

LE SUJET PRÉDIQUÉ PAR LE PARTICIPE PASSIF AVEC LE VERBE *BŪTI* — ÊTRE DANS LE TEXTE EN TANT QUE PARTICIPANT DE LA SITUATION

Résumé

Les objets et les phénomènes de la réalité objective se trouvent en rapports spatiaux et temporels qui forment la base de la situation de l'énonciation. Le sujet en tant qu'élément de la situation peut être lié au caractère spatial de la réalité objective et jouer le rôle des caractéristiques affirmant l'existence de l'espace même ce qui se réalise par excellence dans le texte descriptif. Dans le texte narratif le sujet peut présenter une notion — clé du thème d'une unité textuelle (UT) ou souligner l'objet de l'énonciation. Le sujet sert aussi à former un jugement textuel jouant le rôle du circonstant par rapport au thème de UT. Le sujet peut généraliser une situation en introduisant à la fin de UT un jugement — conclusion.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Дейк, 1978 — Дейк, ван Г. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 259—336.
- Гак, 1973 — Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973. С. 349—372.
- Золотова, 1973 — Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова, 1979 — Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979. С. 130—136.
- Ковтунова, 1979 — Ковтунова И. И. Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М., 1979. С. 262—275.
- Москальская, 1981 — Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.
- Реферовская, 1983 — Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.
- Селивёрстова, 1983 — Селивёрстова О. Н. Понятия „множество" и „пространство" в семантике синтаксиса // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1983. Т. 42. № 2. С. 142—150.
- Чирухина, 1981 — Чирухина О. Н. О понятийно-тематическом способе интерпретации текста // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1981. № 5. С. 36—43.

ЦИТИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Baltušis, Abišalė — Baltušis J. Abišalė. V., 1974.
- Baltušis, Juza — Baltušis J. Sakmė apie Južą. V., 1979.
- Boruta, Malūnas — Boruta K. Baltaragio malūnas. V., 1962.
- Mikelinskas, Laukai — Mikelinskas J. Ku lygūs laukai. V., 1981.
- Beauvoir, Sang — Beauvoir S. de. Le sang des autres. Paris, 1960.
- Camus, Etranger — Camus A. L'étranger. Paris, 1957.
- Rolland, Christophe — Rolland R. Jean-Christophe. T. 3. Moscou, 1957.
- Sabatier, Mort — Sabatier R. La mort du figuier. Paris, 1962.
- Sartre, Nausée — Sartre J.-P. La nausée. Paris, 1954.

Вильнюсский государственный
университет им. В.Капсукаса
Кафедра французского языка

Вручено
в декабре 1987 г.